

Мариничев Д. Н.

ПЕРЕВОДНОЙ РУБЛЬ И ЦИФРОВАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ МНОГОСТОРОННЕГО КЛИРИНГА

Мариничев Дмитрий Николаевич

Агентство Стратегических Инициатив (АСИ) (Москва, Россия), советник генерального директора
dn.marinichev@asi.ru
<https://orcid.org/0009-0006-1312-4119>
SPIN 6727-3956

Dmitry N. Marinichev

Agency for Strategic Initiatives (ASI) (Moscow, Russia), Advisor to the General Director
dn.marinichev@asi.ru
<https://orcid.org/0009-0006-1312-4119>
SPIN 6727-3956

Аннотация. Переводной рубль, использовавшийся в системе Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), долгое время рассматривался как технический элемент плановой внешней торговли. Вместе с тем он представлял собой раннюю форму наднациональной расчётной единицы, основанной на многостороннем клиринге и коллективном доверии. В статье проводится историко-экономический и институциональный анализ механизма переводного рубля и деятельности Международного банка экономического сотрудничества (МБЭС), выявляются сильные и слабые стороны этой системы. На базе этого анализа предлагается концепция её цифровой реконструкции в форме кооперативного внешнего эквивалента RUBIT и наднационального центра эмиссии и клиринга, действующего поверх нейтральной цифровой инфраструктуры. Показано, что современные технологии распределённых реестров и открытого аудита позволяют решить те проблемы, которые привели к сворачиванию переводного рубля, и при этом сохранить его ключевые принципы: эквивалентность, многосторонний зачёт и приоритет реального обмена над движением валюты.

Ключевые слова: переводной рубль, Совет экономической взаимопомощи, многосторонний клиринг, Международный банк экономического сотрудничества, цифровые эквиваленты, RUBIT, кооперативные расчётные системы

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

Для цитирования: Мариничев Д. Н. Переводной рубль и цифровая реконструкция многостороннего клиринга // Форпост науки. 2026. Том 20, № 1. С. 129-135. EDN HSVOSQ.

Abstract. The transferable ruble, having been used in the system of the Council for Mutual Economic Assistance (CMEA), has long been considered as a technical element of planned foreign trade. However, it represented an early form of supranational unit of account based on multilateral clearing and collective trust. The article provides historical, economic and institutional analysis of the mechanism of transferable ruble and the activities of the International Bank for Economic Cooperation (IBEC), and identifies the strengths and weaknesses of this system. On the basis of the analysis, the concept of its digital reconstruction is proposed in the form of cooperative external equivalent RUBIT and supranational emission and clearing center operating above neutral digital infrastructure. It is shown that modern technologies of distributed registries and open audit make it possible to solve the problems that led to collapse of transferable ruble, while maintaining its key principles: equivalence, multilateral set off and the priority of real exchange over the currency movement.

Keywords: transferable ruble, Council for Mutual Economic Assistance, multilateral clearing, International Bank for Economic Cooperation, digital equivalents, RUBIT, cooperative settlement systems

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest requiring disclosure in this article.

For citation: Marinichev D. N. Transferable Ruble and Digital Reconstruction of Multilateral Clearing. *Science Outpost*, 2026, Vol. 20, No. 1, pp. 129-135. Available from: <https://elibrary.ru/HSVOSQ>.

Введение

В истории международных финансовых отношений переводной рубль занимает особое место. В отличие от классических национальных валют, он не был законным платёжным средством ни в одной стране и не обращался среди населения. Он существовал только в виде записей на счетах Международного банка экономического сотрудничества и служил для многостороннего учёта торговли между странами СЭВ. В течение трёх десятилетий переводной рубль позволял участникам СЭВ выводить значительную часть взаимной

торговли из-под прямой зависимости от долларовой системы [1; 2; 3]. К середине 1970-х годов через МБЭС проходило до половины всей взаимной торговли стран СЭВ. Тем не менее эта система была свёрнута в начале 1990-х годов, а сам переводной рубль исчез из практики [4; 5].

В современной литературе, особенно в контексте обсуждения цифровых валют и альтернативных расчётных механизмов, к опыту переводного рубля возвращаются всё чаще. В условиях, когда на глобальной повестке стоят вопросы суверенных расчётов, токенизации активов и многосторонних платёжных платформ (например, mBridge¹), возникает естественный интерес к тому, как можно использовать исторический опыт СЭВ при проектировании новых цифровых эквивалентов.

Цель настоящей статьи состоит в двойном анализе. Во-первых, требуется реконструировать экономико-правовую и институциональную логику переводного рубля и механизма МБЭС, оценить их сильные и слабые стороны. Во-вторых, на основе этой реконструкции предложить модель цифрового внешнего эквивалента, который сохраняет полезные принципы переводного рубля, но опирается на современные технологии открытого учёта и кооперативного управления.

Материалы и методы

Исследованию переводного рубля и системы СЭВ посвящён ряд работ как советских и российских, так и зарубежных авторов. В советской и постсоветской литературе акцент традиционно делался на политико-экономических аспектах: обсуждались принципы ценообразования, роль СССР, проблема скрытых субсидий, вопросы перехода к расчётам в свободно конвертируемой валюте [6; 7; 8; 9; 10; 11].

Западные исследователи рассматривали переводной рубль как попытку создания региональной валюты, которая так и не стала полноценными «деньгами» в привычном смысле, но продемонстрировала возможность многостороннего клиринга при отсутствии полной конвертируемости национальных валют [12; 13; 14; 15; 16]. В литературе по истории европейской валютной интеграции обычно выделяют несколько этапов: механизм «европейской валютной змеи», затем Европейскую валютную систему с единицей учёта ECU (European Currency Unit), а позже переход к евро. «Валютная змея» представляла собой договорённость о совместном колебании национальных валют в узком коридоре, которая стала предварительной формой координации, тогда как ECU уже выступал наднациональной счётной единицей. По своей логике именно ECU, а не сама «змея» был ближе всего к идее переводного рубля, поскольку выполнял аналогичную функцию общего измерителя стоимости и инструмента расчётов между центральными банками [17].

Методологически данная статья сочетает историко-экономический анализ с институциональным подходом. Переводной рубль рассматривается не только как «валюта», но и как институциональная конструкция, воплощающая определённое понимание доверия и эквивалентности. Для цифровой реконструкции используется аппарат теории открытых финансов, концепция цифровых эквивалентов и многосторонних платформ на базе распределённых реестров. Отдельное внимание уделяется сопоставлению логики переводного рубля с концепциями современных проектов m-CBDC и частных стейблкоинов.

Результаты и обсуждение

Переводной рубль как институциональная инновация

Переводной рубль (Transferable Ruble) был создан на основе Соглашения о МБЭС 1963 года² и начал использоваться с 1964 года [18]. Юридически он представлял собой расчётную единицу, в которой вёлся учёт обязательств и требований между странами –

¹ Project mBridge: Connecting economies through CBDC. URL: <https://www.bis.org/publ/othp59.pdf>

² Соглашение об организации и деятельности Международного банка экономического сотрудничества от 22 октября 1963 г. зарегистрировано в Секретариате ООН 20 августа 1964 г. № 7388. URL: https://ibec.int/up-load/uf/664/RU_Agreement_and_Statutes_2014.pdf

членами СЭВ. Он не имел наличной формы и не использовался во внутреннем обращении.

В отличие от национальных валют, переводной рубль не имел «эмитента» в классическом смысле. Его выпуск был связан с проведением конкретных внешнеторговых операций и осуществлялся через зачисление и списание сумм на счетах стран в МБЭС. Баланс каждой страны в переводных рублях (ПР) показывал её чистую позицию по отношению к остальным участникам. С точки зрения институциональной логики переводной рубль был попыткой оторвать международный обмен от колебаний отдельных национальных валют и от доминирования доллара. Вместо покупки и продажи валют страны договаривались о поставках товаров и услуг в пересчёте на общую условную единицу и затем взаимно «сводили» сальдо. Эта конструкция во многом предвосхищала идеи многосторонних клиринговых союзов, которые позже обсуждались в рамках проектов альтернативных платёжных систем.

Основой функционирования переводного рубля был механизм многостороннего клиринга через МБЭС. Каждая страна – участник СЭВ держала в банке клиринговый счёт в переводных рублях. Внешнеторговые контракты между предприятиями разных стран отражались на этих счетах как дебет и кредит. В реальном времени происходило перераспределение сальдо: при экспорте страна накапливала положительное сальдо, при импорте – отрицательное.

Ключевой момент в том, что расчёт производился не в момент каждого платежа, а в рамках согласованных периодов и общей матрицы взаимных обязательств. МБЭС играл роль «центрального узла», который мог предоставлять странам СЭВ краткосрочные кредиты в переводных рублях, если их сальдо оказывалось отрицательным.

Представим простую иллюстрацию. СССР поставляет ГДР нефть на 100 переводных рублей. ГДР поставляет Чехословакии оборудование на 100 ПР. Чехословакия поставляет СССР станки на 100 ПР. В двусторонней логике требовались бы три отдельных потока платежей, в разных валютах или через доллар США. В логике многостороннего клиринга МБЭС фиксирует три операции, но на уровне сальдо все три страны оказываются в балансе. Фактически система «видит» цепочку как единую конструкцию взаимного обмена. Это и есть суть клирингового подхода: перевод денег заменяется зачётом обязательств, а единая счётная валюта позволяет не путаться в курсах и номиналах.

Согласно оценкам, уже к середине 1970-х годов через МБЭС проходило более половины взаимной торговли стран СЭВ. В 1975 году суммарный оборот по переводным рублям достиг примерно 120 млрд ПР [12]. Структура торговли была сильно отраслевой. СССР экспортировал энергоносители, металлы, оружие, сложное оборудование. Восточноевропейские страны поставляли станки, транспорт, электронику, химические товары, сельхозпродукцию. Переводной рубль обеспечивал устойчивый спрос на продукцию этих отраслей, создавая альтернативу мировому рынку, где условия диктовались ценами в долларах.

Таким образом, переводной рубль выступал не только как технический инструмент. Он был частью архитектуры экономической интеграции. Страны планировали производство исходя из прогнозов по обороту в ТР, а не по спекулятивным ожиданиям валютных курсов. Это создавало определённую предсказуемость, но в то же время снижало гибкость.

Ограничения и причины сворачивания системы переводного рубля

Несмотря на свои преимущества, система переводного рубля столкнулась с рядом структурных ограничений.

Во-первых, отсутствовала полноценная рыночная оценка рисков и стоимости. Цены в переводных рублях определялись через согласованные «мировые» ориентиры, которые часто не соответствовали реальной структуре спроса и предложения. Это приводило к скрытым перекосам: одни страны получали долгосрочные льготы, другие фактически субсидировали партнёров [13; 15].

Во-вторых, доверие в системе носило политический, а не технический характер. Оно опиралось на межправительственные решения, а не на открытые и проверяемые правила.

Пока политическая воля к поддержанию СЭВ была сильной, система работала. Как только начался распад социалистического лагеря, переводной рубль оказался без опоры.

В-третьих, система была закрытой, её внутренние правила мало поддавались внешнему аудиту. В отличие от современных распределённых реестров, где каждое состояние может быть проверено независимым участником, МБЭС оставался «чёрным ящиком».

Эти проблемы не отменяют заслуг переводного рубля, но показывают, что институциональная форма того времени не соответствовала сложности решаемой задачи.

Возможность цифровой реконструкции: от переводного рубля к внешнему эквиваленту

Современные технологии открывают возможность вернуть принципы переводного рубля в обновлённом виде.

Задача состоит не в том, чтобы механически восстановить старую систему, а в том, чтобы реализовать её идею средствами цифровой экономики.

Основные принципы, которые стоит сохранить:

- единая счётная единица для многостороннего клиринга;
- приоритет взаимозачёта обязательств над движением валюты;
- эквивалентность и прозрачность балансов;
- отсутствие доминирующей роли одной национальной валюты.

В предлагаемой модели эти принципы реализуются через внешний цифровой эквивалент (например, RUBIT) и наднациональный центр эмиссии и клиринга (СЭВ-ЦЭ), действующий на базе нейтральной цифровой инфраструктуры (Bitcoin, протоколы типа Taproot Assets и платёжные сети уровня Lightning).

В отличие от переводного рубля, новый эквивалент:

- имеет жёсткую привязку к национальной валюте (1 единица = 1 рубль),
- эмитируется только под фактическое рублёвое обеспечение,
- записывается в открытом или проверяемом реестре,
- может обмениваться и погашаться в режиме, близком к реальному времени.

Таким образом, сохраняется логика учёта в наднациональной единице, но радикально меняется способ её реализации.

Ключом к правомерности и устойчивости цифровой реконструкции является выбор организационной формы.

В предлагаемой архитектуре эту роль играет Международное потребительское общество «РУБИТ». МПО «РУБИТ» действует в российской юрисдикции как кооператив, подчиняясь Закону РФ № 3085-1 «О потребительской кооперации» и нормам 161-ФЗ, 259-ФЗ и 173-ФЗ. Оно ведёт рублёвый учёт, привлекает паевые и целевые взносы, заключает договоры с банками и операторами ЦФА. Внешний цифровой эквивалент (RUBIT) при этом не создаётся внутри РФ и не имеет статуса денег или ЦФА в российском праве.

Наднациональное звено – СЭВ-ЦЭ – выступает оператором внешнего реестра и эмитентом цифрового эквивалента. Его деятельность подчиняется праву иностранной юрисдикции (например, страны, признающей цифровые активы как имущественные права). СЭВ-ЦЭ получает рублёвые депозиты от МПО (через банковские каналы) и на их основе выпускает цифровые эквиваленты, которые используются для внешних расчётов.

В отличие от МБЭС, роль центра не в том, чтобы политически распределять сальдо, а в том, чтобы технически обеспечивать корректность клиринга. Это достигается через:

- использование публичного или проверяемого распределённого реестра;
- автоматизацию расчётов и контроль за соблюдением балансов;
- внедрение механизма публичной проверки формулы низового баланса $CIRC = TOTAL - GENESIS = RUB_RU$.

Таким образом, доверие к системе переносится с политических обещаний на технически реализуемое правило: каждая единица внешнего эквивалента подкреплена рублём, а процедура клиринга поддаётся аудиту.

Цифровая реконструкция принципов переводного рубля особенно актуальна для кооперации стран, стремящихся снизить зависимость от доминирующих мировых валют. В первую очередь это касается БРИКС, региональных интеграционных проектов и трансграничных кооперативных структур. Современные проекты вроде mBridge показывают интерес центральных банков к многостороннему цифровому клирингу [2]. Однако эти проекты строятся на логике межгосударственного взаимодействия, где главными акторами являются ЦБ и государственные институты.

Кооперативная модель вносит другое измерение и даёт частному и корпоративному сектору инструмент участия в многостороннем клиринге через внешние эквиваленты, не дожидаясь полной политической унификации режимов. RUBIT в таком контексте можно рассматривать как пилот наднационального слоя для расчётов между предприятиями и банками разных стран, опирающийся на рублёвое обеспечение и кооперативную структуру управления. Он служит цифровым «переводчиком» между национальными валютами, не заменяя их, а создавая общую плоскость эквивалентности.

Заключение

История переводного рубля показывает, что попытки создать справедливую и устойчивую наднациональную систему расчётов предпринимались задолго до появления цифровых технологий. Уже в середине XX века страны СЭВ осознали, что опора на одну внешнюю резервную валюту делает их уязвимыми, и искали альтернативу в форме многостороннего клиринга и коллективной расчётной единицы.

Переводной рубль не стал полноценной мировой валютой, но выполнил важную историческую роль. Он показал, что возможен иной принцип международных расчётов, основанный на взаимозачёте, учёте обязательств и эквивалентности, а не только на движении валюты. Его слабости были связаны не столько с самим принципом, сколько с институциональными и технологическими ограничениями эпохи.

Сегодня цифровые технологии позволяют воспроизвести и развить эти идеи на новом уровне. Внешние эквиваленты вроде RUBIT, действующие через кооперативные структуры и нейтральные распределённые реестры, способны выполнять функцию «цифрового переводного рубля» в мировых расчётах. Они объединяют достоинства многостороннего клиринга и открытого аудита, при этом остаются совместимыми с национальными валютами и правовыми режимами.

Таким образом, переводной рубль можно рассматривать не как закрытую страницу истории, а как прототип для будущих цифровых расчётных систем. Его реконструкция в виде кооперативных внешних эквивалентов – это шаг в сторону экономики, где доверие фиксируется в понятных правилах и математически проверяемых записях, а суверенные деньги различных стран взаимодействуют через прозрачные и эквивалентные механизмы клиринга.

Список источников

1. Гонта, С. Н. История МБЭС и переводного рубля в контексте современной Экономической реальности России / С. Н. Гонта, И. Ю. Поташова // *Управленческий учет*. – 2022. – № 12-3. – С. 772-777. – <https://doi.org/10.25806/uu12-32022772-777>. – EDN YCLTLD.
2. Кузнецов, А. В. Переводной рубль как уникальный проект международных валютных отношений / А. В. Кузнецов // *Вопросы политической экономии*. – 2023. – № 2. – С. 102-114. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.7987853>. – EDN ZTESGA.
3. Переводной рубль Советского Союза и цифровой рубль Российской Федерации: сравнительный финансово-правовой анализ / Ш. Р. Зарипов, Р. Т. Газизова, К. А. Иващенко [и др.] // *Евразийская адвокатура*. – 2024. – № 6(71). – С. 187-191. – https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_71_6_187. – EDN DQOVCT.
4. Лукашевич, Д. А. Отказ СССР от международных расчетов с использованием "переводного рубля" и переход к расчетам в свободно конвертируемой валюте (1989-1991). Историко-правовой аспект / Д. А. Лукашевич // *Закон и право*. – 2020. – № 11. – С. 46-49. – <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2020-10518>. – EDN EQAKZM.

5. Шишков, Ю. В. Невозможное триединство в эпоху финансовой глобализации / Ю. В. Шишков // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2012. – № 5. – С. 3-14. – EDN NMGJHW.
6. Атаулина, А. Р. Экономические успехи Совета экономической взаимопомощи в ходе развития интеграционных процессов / А. Р. Атаулина // *Креативная экономика*. – 2012. – № 8(68). – С. 123-128. – EDN PADZZB.
7. Барковский, А. Н. СЭВ: Исторический опыт интеграции плановых экономик / А. Н. Барковский // *Россия и современный мир*. – 2009. – № 3(64). – С. 181-186. – EDN KUZZKT.
8. Буторина, О. В. Совет экономической взаимопомощи: опыт социалистической интеграции / О. В. Буторина // *Европейская интеграция* / Под ред. О. В. Буториной, Н. Ю. Кавешникова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2017. – С. 612-628. – EDN YMMTDF.
9. Усманова, К. Н. Российский опыт построения платежных систем: от переводного рубля к расчетам в национальных валютах стран СНГ и ЕАЭС / К. Н. Усманова // *Финансовый бизнес*. – 2021. – № 7(217). – С. 105-108. – EDN JUYSAW.
10. Ширяев, Ю. С. СЭВ: 40 лет сотрудничества / Ю. С. Ширяев. – Москва: Знание, 1989. – 64 с.
11. Shishkov, Iu. The economic role of the state in the contemporary world / Iu. Shishkov // *Problems of Economic Transition*. – 1999. – Vol. 42, No. 3. – P. 76. – EDN DSJHNN.
12. Conway, P. Currency Proliferation : The Monetary Legacy of the Soviet Union // *Princeton Studies in International Economics*. – 1995. – No. 197. – Available from: <https://ies.princeton.edu/pdf/E197.pdf>.
13. Conway, P. Lessons from the Collapse of the Transferable Ruble System and the Joint Currency of Former CMEA Countries for the Eurozone // *CESifo Forum*. – 2016. – Vol. 17, No. 4. – P. 48-53. – Available from: <https://www.ifo.de/DocDL/forum-2016-4-conway-ruble-zone-collapse-december.pdf>.
14. Granville, B. Lessons from the Collapse of the Ruble Zone and the Transferable Ruble System // *CESifo Forum*. – 2016. – Vol. 17, No. 4. – P. 19-26. – Available from: <https://www.ifo.de/DocDL/forum-2016-4-granville-ruble-zone-collapse-december.pdf>.
15. Winiecki, J. Soviet-type economies' strategy for catching-up through technology im ports—an anatomy of failure / J. Winiecki // *Technovation*. – 1987. – Vol. 6, No. 2. – P. 115-145. [https://doi.org/10.1016/0166-4972\(87\)90015-0](https://doi.org/10.1016/0166-4972(87)90015-0).
16. Winiecki, J. The distorted world of Soviet-type economies / J. Winiecki. – London : Routledge, 1988. – 230 p.
17. Eichengreen, B. J. Globalizing capital: a history of the international monetary system / B. J. Eichengreen. – Princeton: Princeton University Press, 1996. – 223 p.
18. Бажан, А. Переводной рубль и расчёты между странами ЕАЭС / А. Бажан // *Современная Европа*. – 2019. – № 6(92). – С. 117-127. – <https://doi.org/10.15211/soveurope62019117126>. – EDN SLEWZQ.

References

1. Gonta S. N., Potashova I. Yu. History of the IBEC and the transferable ruble in the context of modern economic reality in Russia. *Management Accounting*, 2022, no. 12-3, pp. 772-777. <https://doi.org/10.25806/uu12-32022772-777>.
2. Kuznetsov A. V. A transferable ruble as a unique project in international currency relations. *Problems in Political Economy*, 2023, no. 2, pp. 102-114. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7987853>.
3. Zaripov Sh. R., et al. The Transferable Ruble of the Soviet Union and the Digital Ruble of the Russian Federation: a Comparative Financial and Legal Analysis. *Eurasian advocacy*, 2024, no. 6(71), pp. 187-191. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_71_6_187.
4. Lukashevich D. A. Refusal of the USSR from international settlements using the "transferable ruble" and transition to settlements in a freely convertible currency (1989 - 1991): historical and legal aspect. *Law and Legislation*, 2020, no. 11, pp. 46-49. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2020-10518>.
5. Shishkov Iu. V. The Impossible Trinity in the Age of Financial Globalization. *World economy and international relations*, 2012, no. 5, pp. 3-14. Available from: <https://elibrary.ru/NMGJHW>.
6. Ataulina A. R. Economic Success of Council of Mutual Economic Assistance in the Course of Integration Processes Development. *Creative Economy*, 2012, no. 8(68), pp. 123-128. Available from: <https://elibrary.ru/PADZZB>.
7. Barkovsky A. N. CMEA: historical experience of planned economies intergration. *Russia and the contemporary world*, 2009, no. 3(64), pp. 181-186. Available from: <https://elibrary.ru/KUZZKT>.

8. Butorina O. V. Council for Mutual Economic Assistance: The Experience of Socialist Integration. *European Integration*. Moscow: Aspect Press, 2017, pp. 612-628. Available from: <https://elibrary.ru/YMMTDF>.
9. Usmanova K. N. Russian experience in constructing payment systems: from ruble rate to payment in national currencies of the cis and EAEU countries. *Finansovyy biznes*, 2021, no. 7(217), pp. 105-108. Available from: <https://elibrary.ru/JUYSAW>.
10. Shiryayev Yu. S. *CMEA: 40 years of cooperation*. Moscow: Znaniye, 1989, 64 p.
11. Shishkov Iu. The economic role of the state in the contemporary world. *Problems of Economic Transition*, 1999, vol. 42, no. 3, pp. 76. Available from: <https://elibrary.ru/DSJHNN>.
12. Conway P. Currency Proliferation : The Monetary Legacy of the Soviet Union. *Princeton Studies in International Economics*, 1995, no. 197. Available from: <https://ies.princeton.edu/pdf/E197.pdf>.
13. Conway P. Lessons from the Collapse of the Transferable Ruble System and the Joint Currency of Former CMEA Countries for the Eurozone. *CESifo Forum*, 2016, vol. 17, no. 4, pp. 48-53, Available from: <https://www.ifo.de/DocDL/forum-2016-4-conway-ruble-zone-collapse-december.pdf>.
14. Granville B. Lessons from the Collapse of the Ruble Zone and the Transferable Ruble System. *CESifo Forum*, 2016, vol. 17, no. 4, pp. 19-26, Available from: <https://www.ifo.de/DocDL/forum-2016-4-granville-ruble-zone-collapse-december.pdf>.
15. Winiecki J. Soviet-type economies' strategy for catching-up through technology im ports—an anatomy of failure. *Technovation*, 1987, vol. 6, no. 2, pp. 115-145. [https://doi.org/10.1016/0166-4972\(87\)90015-0](https://doi.org/10.1016/0166-4972(87)90015-0).
16. Winiecki, J. *The distorted world of Soviet-type economies*. London: Routledge, 1988, 230 p.
17. Eichengreen B. J. *Globalizing capital: a history of the international monetary system*. Princeton: Princeton University Press, 1996, 223 p.
18. Bazhan A. The Transferable Ruble and Payments Between the EAEU Countries. *Contemporary Europe*, 2019, no. 6(92), pp. 117-127. <https://doi.org/10.15211/soveurope62019117126>.

Статья поступила в редакцию / Received: 21.11.2025
 Доработана после рецензирования / Revised: 16.01.2026
 Принята к публикации / Accepted: 26.01.2026